

BENGT JANGFELDT:

Osip Mandel'stam's Ode to Stalin*

It is well known that in the winter of 1937, during his exile in Voronež, Osip Mandel'stam was working on an "ode" to Stalin. Nadežda Mandel'stam devotes a whole chapter ("The Ode") in her memoirs to this question.¹ In what has come to be called "The Second Voronezh Notebook", there is a cycle of poems, starting with *Drožži mira dorogie...* and ending with the last poem in the notebook.² These more than twenty poems were all written within a span of a month, in January and February, 1937. According to Nadežda Mandel'stam, the cycle was "generated by the 'Ode'".³

Clarence Brown, in his illuminating essay on the cycle, goes through all the poems, but has not been able to trace the "ode" itself.⁴ In his book on Mandel'stam, Brown even seems to doubt that the "ode" was ever written: "As a last desperate measure of salvation, Mandelstam tries to write an adulatory 'ode' to Stalin. It will not come. In its stead come many other poems."⁵ But in the essay quoted above Brown says "that there [...] is some evidence that at some time [...] Mandelstam wrote something like the ode that he was trying to force from himself. It may eventually come to light".⁶

* While this article was at the printer's, two other publications appeared, both concerning Osip Mandel'stam's "ode" to Stalin. Kiril Taranovsky in his book *Essays on Mandel'stam* (Harvard University Press 1976) quotes the first eight lines from this poem (p. 113). In *Slavic Review* (1975:4, pp. 683–691), an anonymous contributor presents the text of the "ode" ("Mandelstam's 'Ode' to Stalin"). This publication, however, is not complete. Two lines (10–11) are missing in the first stanza, and four lines (8–12) in the seventh stanza. The full text of the poem (except line 8 in the fifth stanza, which seems to be totally lost) is therefore printed here for the first time.

¹ Nadezhda Mandelstam, *Hope against hope*, London 1971, pp. 198–203.

² See Osip Mandel'stam, *Sobranie sočinenij v trech tomach*, t. 1, Inter-Language Literary Associates 1967 (second edition, revised and expanded), pp. 233–253. Henceforth this edition is referred to as *Sobr. soč.*

³ Nadezhda Mandelstam, *op. cit.*, p. 200.

⁴ Clarence Brown, "Into the Heart of Darkness: Mandelstam's Ode to Stalin", *Slavic Review*, 1967:4, pp. 584–604.

⁵ Clarence Brown, *Mandelstam*, Cambridge 1973, p. 132.

⁶ Clarence Brown, "Into the Heart of Darkness...", p. 603.

There can be no doubt, however, that the “ode” to Stalin actually was written. Nadežda Mandel’štam herself confirms that the poet, “at the very last moment, did what was required of him and wrote a hymn of praise to Stalin, but the ‘Ode’ did not achieve its purpose of saving his life”.⁷ Furthermore, Nadežda Mandel’štam gives some clues as to the content of the “ode”: “In the ‘Ode’, for example, an artist, with tears in his eyes, draws a portrait of the Leader.”⁸ She also says that Aeschylus and Prometheus are mentioned, as well as the birth-place of Stalin.⁹

Anna Achmatova in her memoirs of Mandel’štam even recalls one line from the “ode”: “Mne chočetsja skazat’ ne Stalin – Džugašvili.”¹⁰

I offer here the text of Osip Mandel’štam’s poem to Stalin (unfortunately, one line [5:8] is missing in the manuscript):

СТИХИ О СТАЛИНЕ

1

Когда б я уголь взял для высшей похвалы –
 Для радости рисунка непреложной, –
 Я б воздух расчертил на хитрые углы
 И осторожно и тревожно,
 5 Чтоб настоящее в чертах отозвалось,
 В искусстве с дерзостью гранича
 Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось,
 Ста сорока народов чтя обычай.
 Я б поднял брови малый уголок,
 10 И поднял вновь и разрешил иначе:
 Знать, Прометей раздул свой уголек, –
 Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!

2

Я б несколько гремучих линий взял,
 Все молодежавое его тысячелетье,
 И мужество улыбкою связал
 И развязал в ненапряженном свете,
 5 И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,
 Какого не скажу, то выраженье, близясь

⁷ Nadezhda Mandelstam, *op. cit.*, p. 203.

⁸ *Ibid.*, p. 200.

⁹ *Ibid.*, p. 201.

¹⁰ Anna Achmatova, *Sočinenija*, t. 2, Inter-Language Literary Associates 1967, p. 181.

- К которому, к нему – вдруг узнаешь отца
И задыхаешься, почуяв мира близость.
И я хочу благодарить холмы,
10 Что эту кость и эту кисть развили:
Он родился в горах и горечь знал тюрьмы.
Хочу назвать его – не Сталин, – Джугашвили!

3

- Художник, береги и охраняй бойца:
В рост окружи его сырым и синим бором
Вниманья влажного. Не огорчить отца
Недобрым образом иль мыслей недобором.
5 Художник, помоги тому, кто весь с тобой,
Кто мыслит, чувствует и строит.
Не я и не другой – ему народ родной,
Народ-Гомер хвалу утроит.
Художник, береги и охраняй бойца:
10 Лес человечества за ним идет густея,
Само грядущее – дружина мудреца –
И слушает его все чаще, все смелее.

4

- Он свесился с трибуны как с горы
В бугры голов: должник сильнее иска.
Могучие глаза решительно добры,
Густая бровь кому-то светит близко,
5 И я хотел бы стрелкой указать
На твердость рта – отца речей упрямых.
Лепное, сложное, крутое веко, знать,
Работает из миллиона рамок.
Весь откровенность, весь признанья медь,
10 И зоркий слух, не терпящий сурдинки,
На всех готовых жить и умереть
Бегут играя хмурые морщинки.

5

Сжимая уголек, в котором все сошлось,
Рукою жадною одно лишь сходство клича,
Рукою хищною – ловить лишь сходства ось,
Я уголь искрошу, ища его обличья.

- 5 Я у него учусь к себе не знать пощады,
Несчастья скроют ли большого плана часть,
Я разыщу его в случайностях их чада.

.....

- Пусть недостоин я еще иметь друзей,
10 Пусть не насыщен я и желчью и слезами,
Он все мне чудится в шинели, в картузе,
На чудной площади с счастливыми глазами.

6

- Глазами Сталина раздвинута гора
И вдаль прищурилась равнина.
Как море без морщин, как завтра из вчера –
До солнца борозды от плуга-исполина.
5 Он улыбается улыбкою жнеца
Рукопожатий в разговоре,
Который начался и длится без конца
На шестиклетьвенном просторе.
И каждое гумно и каждая копна
10 Сильна, убориста, умна – добро живое –
Чудо народное! Да будет жизнь крупна.
Ворочается счастье стержневое.

7

- И шестикратно я в сознании берегу,
Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы,
Его огромный путь – через тайгу
И Ленинский Октябрь – до выполненной клятвы.
5 Уходят вдаль людских голов бугры:
Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят,
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, что солнце светит.
Правдивей правды нет, чем искренность бойца.
10 Для чести и любви, для воздуха и стали
Есть имя славное для сильных губ чтеца –
Его мы слышали и ~~и~~ его застали.

и мн

1937

Given the text of the hitherto unknown poem to Stalin, we see that it corresponds to some other poems of the cycle. For example, Prometheus and Aeschylus are mentioned in the poem *Gde svjazannyj i prigvoždennyj ston...*,¹¹ and the expression "mira os'" (1:7) is varied in the poem *Vooružennyj zren'em uzkich os...*: "os' zemnuju".¹²

More important, however, are some other facts, which complete the picture of Mandel'stam's "ode" to Stalin.

Lines 7:5–8 in *Stichi o Staline*:

Уходят вдаль людских голов бугры:
Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят,
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, что солнце светит.

are in Mandel'stam's *Sobr. soč.* given as a *separate* poem,¹³ and are by Clarence Brown interpreted as follows: "Mandelstam often said that when he thought of Stalin he had a vision of the heads of the victims piled high around him".¹⁴ Seen in the right context, however, we understand that the lines have quite another meaning: the poet diminishes and steps back into the crowd before the great Leader. The same meaning of the expression "bugry golov" we find in 4:2.

Furthermore, these four lines were the final lines in a *first*, authorized version of the poem *Oboronjaet son moju donskuju son'...*,¹⁵ with a slight change in the fourth line:

Воскресну я – сказать, как солнце светит.

In the final version, Mandel'stam deleted these lines. This does not change the tendency of the poem, although the first version, of course, is more emphatically eulogistic.

Having access to the text of *Stichi o Staline*, it is also easier for us to solve another problem: the last two lines of the poem *Esli b menja naši vragi vzjali...* which since its first publication has been a matter of discussion. In the first edition of *Sobr. soč.* these lines are given as follows:

И по земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь – Сталин.¹⁶

¹¹ *Sobr. soč.*, t. 1, p. 240.

¹² *Ibid.*, p. 251.

¹³ *Ibid.*, p. 233.

¹⁴ Clarence Brown, "Into the Heart of Darkness...", p. 594.

¹⁵ Cf. the final version of the poem in *Sobr. soč.*, t. 1, p. 253.

¹⁶ Osip Mandel'stam, *Sobranie sočinenij v dvuch tomach*, t. 1, Inter-Language Literary Associates 1964 (first edition), p. 240.

In the last edition, however, the reading is:

Но на земле, что избежит тленья,
Будет губить разум и жизнь – Сталин.¹⁷

Clarence Brown claims that it is the last edition that gives the “original text”, but admits that this change in the text raises other problems: “Why should all that boldness and defiance precede the statement that Stalin will ruin everything?”¹⁸ Now that we can compare it with *Stichi o Staline*, it is easy to see that the text of *Esli b menja naši vragi vzjali...* coincides with this – in structure as well as vocabulary. Thus, both in the “ode” and in *Esli b menja naši vragi vzjali...* we find the theme of “draw” and “drawing”; we find the same “catalogue” system of anaphoric phrases – the repeated conjunctive expressions with “b”, the repetitions of “Ja” and “I”. At the end of both poems, furthermore, there is the theme of Lenin and Stalin; that Stalin will continue the work of Lenin.

Thus, there can be no doubt that it is the text in the first edition of *Sobr. soč.* which is the original one. I present here the whole poem in the correct version:

Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире –
Права дышать и открывать двери,
И утверждать, что бытие будет,
И что народ, как судия, судит,
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б, –
Я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен,
И раскачав колокол стен голый,
И разбудив вражеской тьмы угол,
Я запрягу десять волов в голос
И поведу руку во тьме плугом,
И в океан братских ночей сжатый,
Я упаду тяжестью – всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы;
И в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земли очи,

¹⁷ *Sobr. soč.*, t. 1, p. 254.

¹⁸ Clarence Brown, “Into the Heart of Darkness...”, p. 602.

И промелькнет пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой – Ленин,
И по земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь – Сталин.

Mandel'stam, in other words, wrote not one "ode" to Stalin but two – one of these, published here, has so far been unknown, the other has through an arbitrary change of the text hitherto been regarded as a poem directed against Stalin, although such an interpretation makes little sense.

It is not my intention here to try to explain the possible motives for the writing of the Stalin poems. No doubt, Mandel'stam felt forced to write such poems in order to – perhaps! – survive, but it cannot be excluded that the poet really felt some kind of awe toward the almighty Leader. History knows many cases when poets have experienced such an awe and fascination before "great persons". And there are indications that Mandel'stam was not at all ashamed of *Stichi o Staline*; as I have been told by a close friend of the Mandel'stams at the time, the poet read *Stichi o Staline* on several occasions after his return from the Voronež exile.

Finally, one possible influence on Mandel'stam should be mentioned: Nikolaj Zabolockij. In Zabolockij's *Vtoraja kniga* (Leningrad 1937), the poet published his "ode" to Stalin – *Gorijskaja simfonija* (referring to Stalin's birth-place Gori). This poem had previously been printed in the Leningrad monthly literary magazine *Literaturnyj Sovremennik* No. 3, 1937.¹⁹ It is possible, or even probable, that Mandel'stam knew about Zabolockij's poem before it was printed. He then could have realized that even a great poet like Zabolockij was capable of writing an "ode" to Stalin.

Zabolockij's poem, like Mandel'stam's *Stichi o Staline*, is a real ode, in the 18th century tradition, and it belongs to the best poems dedicated to Stalin. The best one, no doubt, belongs to Mandel'stam himself.

¹⁹ *Gorijskaja simfonija* is also printed in Nikolaj Zabolockij, *Stichotvorenija*, Inter-Language Literary Associates 1965, pp. 91–93.